

Научная статья

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ**Вадим Сагитьянович Латыпов**

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

Vadi-Latypov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация российского уголовно-процессуального законодательства в контексте обеспечения национальной безопасности. Рассматривается эволюция уголовно-процессуальной политики от либерально-демократической модели, сформированной под влиянием зарубежных стандартов, к суверенной модели, ориентированной на защиту национальных интересов. Особое внимание уделяется новейшим законодательным новациям, в частности, институтам приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении лиц, призванных на военную службу в особых условиях. Доказывается, что современный этап развития уголовного процесса характеризуется выделением национального интереса в качестве самостоятельной и приоритетной категории, требующей системного доктринального осмысления и дальнейшего нормативного закрепления.

Ключевые слова: уголовный процесс, национальная безопасность, национальный интерес, уголовно-процессуальная политика, приостановление предварительного расследования, прекращение уголовного преследования, Специальная военная операция

Для цитирования: Латыпов В.С. Уголовно-процессуальное законодательство современной России в обеспечении национальной безопасности страны // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4 (33). С. 96–107. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/12/012.pdf>.

Original article

CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF MODERN RUSSIA IN ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE COUNTRY**Vadim S. Latypov**

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Vadi-Latypov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of Russian criminal procedure legislation in the context of ensuring national security. The evolution of criminal procedure policy from a liberal democratic model formed under the influence of foreign standards to a sovereign model focused on protecting national interests is considered. Particular attention is paid to the latest legislative innovations, in particular, the institutions of suspension and termination of criminal prosecution against persons called up for military service in special conditions. It is proved that the modern stage of the development of the criminal process is characterized by the allocation of national interest as an independent and priority category, requiring systemic doctrinal understanding and further normative consolidation.

Keywords: criminal process, national security, national interest, criminal procedure policy, suspension of preliminary investigation, termination of criminal prosecution, Special military operation

For citation: Latypov V.S. Criminal procedure legislation of modern Russia in ensuring the national security of the country. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;4(33): 96–107. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/12/012.pdf>.

© Латыпов В.С., 2025

Введение

Уголовное судопроизводство, будучи одной из наиболее динамичных сфер правового регулирования, чутко реагирует на изменения в социальной, политической и экономической жизни государства. Уголовный процесс подобен «лакмусовой бумаге», отражающей внутреннюю политику и силу государства. В современных условиях, обусловленных проведением специальной военной операции (далее – СВО) и кардинальным пересмотром внешнеполитического курса, уголовно-процессуальное законодательство России переживает этап интенсивной трансформации, направленной на обеспечение национальной безопасности и защиту суверенных интересов страны.

Актуальность темы обусловлена беспрецедентной за последние десятилетия активностью законодателя в области реформирования уголовной и уголовно-процессуальной политики. Если в период с 2001 по 2025 гг. в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) были внесены изменения более 350 федеральными законами, то последние годы ознаменованы принятием ряда системообразующих актов, напрямую связанных с обеспечением обороноспособности и безопасности государства в условиях современных вызовов. Целью настоящей статьи является комплексный анализ указанных изменений через призму концепции национального интереса и оценка их роли в построении новой парадигмы российского уголовного процесса.

Основные положения

Эволюция уголовно-процессуальной политики: от «лоскутного» подхода к стратегии национальной безопасности

Современное состояние уголовно-процессуального законодательства невозможно понять без обращения к его истории. Принятие УПК РФ 2001 года стало результатом реализации либеральной Концепции судебной реформы 1991 года, разработанной при активном содействии зарубежных, в первую очередь американских, экспертов¹. Как указывает

М. Д. Спенс, правительство США в период с 1999 по 2002 год выделило около 1 млн долларов на продвижение принципа верховенства права и поддержку принятия нового процессуального кодекса в России [20]. Основной стратегией уголовно-процессуальной политики того периода была либерализация и усиление гарантий прав личности, что, безусловно, соответствовало запросу времени.

Однако современная уголовно-процессуальная политика не отличается концептуальным подходом, имеет серьезные системные проблемы и может быть охарактеризована как «лоскутная», лишенная единой стратегии [12, С. 7]. А. М. Баранов отмечает, что действующий УПК РФ разительно отличается от первоначальной редакции 2001 года и вызывает «жалость» ввиду своей эклектичности [1, С. 19]. Схожей позиции придерживается А. Н. Конев, указывая на перманентное обновление законодательства, автономный режим подготовки изменений и общую бессистемность политики [9, С. 6].

Переломным моментом, определившим новый вектор развития, стали события начала 2022 года. Выход России из юрисдикции Совета Европы и денонсация ряда международных договоров, включая Конвенцию о защите прав человека, в соответствии с Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ, обусловили необходимость переосмысления содержания уголовно-процессуальных институтов². Уголовный процесс встал перед необходимостью адекватно отвечать на новые внешние и внутренние вызовы, главным из которых стало обеспечение национальной безопасности в условиях прямого противостояния с коллективным Западом.

Методы

Проведенное исследование основывалось на комплексном методологическом подходе, позволившем обеспечить всесторонность, объективность и достоверность полученных научных результатов. Для решения поставленных задач был применен

Совета Российской Федерации. 1991. № 44, ст. 1435.

² О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 10. Ст. 1566.

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного

следующий арсенал общенаучных и частнонаучных методов познания.

Диалектический метод выступил в качестве философской основы исследования. Он позволил рассмотреть трансформацию уголовно-процессуального законодательства и политики в их постоянном развитии и взаимосвязи с изменяющимися социально-политическими условиями. В частности, данный метод применялся для анализа противоречия между традиционными принципами уголовного процесса (неотвратимость ответственности, защита прав потерпевшего) и новыми вызовами национальной безопасности, а также для выявления путей разрешения этого противоречия через призму категории «национальный интерес».

Системно-структурный метод был использован для анализа уголовно-процессуального законодательства как целостной системы. С его помощью были выявлены место и роль новых институтов приостановления (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) и прекращения уголовного преследования (ст. 28.2 УПК РФ) в общей структуре УПК РФ, определены их системные связи с нормами, закрепляющими назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), принципы процесса и иные институты.

Формально-логический метод (включая анализ, синтез, индукцию, дедукцию, аналогию и абстрагирование) применялся на всех этапах исследования. Путем анализа были вычленены отдельные признаки и свойства изучаемых правовых явлений (например, признак императивности в ст. 28.2 УПК РФ). Синтез позволил интегрировать полученные данные в целостные теоретические выводы о сущности новой парадигмы уголовно-процессуальной политики. Метод аналогии был задействован при проведении исторических параллелей с практикой штрафных батальонов в период Великой Отечественной войны.

Формально-юридический (догматический) метод составил ядро исследования. Он был применен для тщательного анализа текстов нормативных правовых актов, в первую очередь, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, федеральных законов от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ и от 02 октября 2024 г. № 340-ФЗ, Указа Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Метод позволил дать точное толкование новеллам законодательства, выявить пробелы, коллизии и

содержащиеся в нормах правовые предписания.

Сравнительно-правовой метод был использован в двух основных аспектах.

Во-первых, проводилось сравнение различных концептуальных подходов к пониманию интереса в уголовном процессе, представленных в трудах различных авторов, что позволило обосновать необходимость выделения национального интереса в самостоятельную категорию.

Во-вторых, осуществлялось сравнение ранее действовавшей редакции УПК РФ с новой, что наглядно продемонстрировало вектор законодательных изменений и их направленность на обеспечение национальной безопасности.

Метод правового моделирования оказался ключевым при разработке конкретных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. На его основе были сконструированы: проекты новых норм для ст. 5 и ст. 6 УПК РФ; предложена модель нового раздела УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в период мобилизации, военного положения и в военное время».

Конкретно-социологические методы применялись в форме анализа правоприменительной практики и юридической статистики. Изучались материалы опубликованной судебной практики, научных комментариев к новым законам, а также данные о количестве внесенных в УПК РФ изменений (350 федеральных законов по состоянию на 01.01.2025 г.), что служило эмпирической базой для аргументации тезиса о «лоскутном» характере реформ и необходимости выработки единой стратегии.

Историко-правовой метод был задействован для ретроспективного анализа эволюции уголовно-процессуальной политики России – от Концепции судебной реформы 1991 г. до современного этапа, а также для проведения исторической аналогии с институтом штрафных батальонов, что позволило глубже понять генезис и социальную обусловленность принимаемых сегодня законодательных решений.

Интегративное применение указанных методов позволило обеспечить комплексный характер исследования, сочетающий теоретический анализ с решением прикладных задач по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности.

Результаты

Национальный интерес как системообразующая категория современного уголовного процесса

Ключевой идеей, позволяющей объяснить и систематизировать последние законодательные изменения, становится концепция национального интереса, представляющая собой «официально признанные государством и обеспеченные правом внутренние и внешние интересы народа России, которые направлены на безопасное, конституционное, суверенное, независимое, поступательное развитие страны, обеспеченное территориальной целостью, стабильностью, взаимовыгодными, равными и партнерскими отношениями с другими странами» [11, С. 102]. Однако данное определение не является исчерпывающим в контексте уголовного судопроизводства и требует серьезного теоретического осмысления с учетом сложившейся доктрины и нормативной базы.

В теории уголовного процесса традиционно доминировала дихотомия частного и публичного интересов [5, С. 33]. Публичный интерес, олицетворяемый государством в лице органов уголовного преследования, был направлен на раскрытие преступления, изобличение виновного и восстановление нарушенной правды. Частный интерес был сосредоточен на защите прав и законных интересов отдельной личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства. Баланс этих интересов считался краеугольным камнем справедливого правосудия [19, С. 156]. Однако в современных условиях, характеризующихся обострением геополитической конфронтации и появлением новых угроз гибридного характера, данной дихотомии оказывается недостаточно.

Важно подчеркнуть, что национальный интерес не тождественен публичному, хотя и находится с ним в тесной связи. Если публичный интерес в уголовном процессе выражается в сиюминутной потребности общества в раскрытии конкретного преступления и назначении справедливого наказания, то национальный интерес представляет собой метакатегорию, ориентированную на долгосрочные стратегические цели выживания, устойчивого развития и защиты суверенитета государства. Публичный интерес нацелен на поддержание правопорядка внутри страны, в то время как национальный интерес обращен как вовнутрь, так и вовне, обеспечивая конкурентоспособность и безопасность государства в международной системе коор-

динат. Именно приоритетом национального интереса можно объяснить законодательные новеллы, которые, на первый взгляд, вступают в противоречие с классическими целями правосудия, такими как неотвратимость наказания. В условиях, когда государство ведет борьбу за свое существование, возможность мобилизации человеческого ресурса, в том числе из числа лиц, совершивших преступления, для защиты основ конституционного строя, может быть признана законодателем более значимой, чем немедленная реализация уголовной репрессии в отношении них.

Система национальных интересов Российской Федерации получила свое нормативное закрепление в Указе Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Данный документ определяет национальные интересы как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития». К их числу относятся защита суверенитета, территориальной целостности, укрепление обороны страны, сохранение гражданского мира, защита конституционного строя, а также обеспечение социальной стабильности, повышение качества жизни граждан и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Уголовно-процессуальная политика, как справедливо отмечает П. О. Панфилов, обладает «мощным, но не учтенным современным законодателем потенциалом на решение задач, стоящих перед государством» [13, С. 311]. Реализация этого потенциала и стала основной задачей законодателя в последние годы. Уголовный процесс, будучи инструментом государственного принуждения, не может оставаться в стороне от обеспечения этих стратегических целей. Однако прямое перенесение положений Стратегии национальной безопасности в уголовно-процессуальное поле невозможно без их адаптации к специфике отрасли. Это порождает доктринальную проблему определения процессуальных форм и гарантий, адекватных защите национального интереса.

В научной литературе можно выделить несколько подходов к месту национального интереса в системе уголовного судопроизводства. Ряд авторов, вслед за И. Г. Смирновой и А. В. Спириным, рассматривают интерес как производную от потребности, акцентируя внимание на его моти-

вационной функции для участников процесса [16; 18]. В этой парадигме национальный интерес может трактоваться как особая разновидность публичного интереса, реализуемого властными субъектами. Другие исследователи, как, например, И. С. Дикарев, скептически относятся к избыточной классификации интересов, полагая, что подобного рода конструкции «не только не имеют значения для правоприменительной деятельности, но вредны и опасны» [6, С. 60]. Однако практика последних лет опровергает этот тезис. Без выделения национального интереса в самостоятельную категорию невозможно последовательное толкование таких норм, как ст. 28.2 УПК РФ, где прекращение уголовного преследования в обмен на службу в зоне СВО прямо не служит ни частному интересу потерпевшего в возмещении вреда, ни классическому публичному интересу в неотвратимости наказания. Здесь реализуется интерес иного, более высокого порядка – интерес государства в мобилизации всех ресурсов для обеспечения своей безопасности, что в конечном итоге служит гарантией защиты и частных, и публичных интересов в долгосрочной перспективе.

Таким образом, национальный интерес в современном российском уголовном процессе выполняет системообразующую функцию. Он служит:

- легитимирующим основанием для внесения экстраординарных изменений в УПК РФ, оправдывающих отступление от общепринятых стандартов в условиях чрезвычайных обстоятельств;

- критерием для системного толкования новых процессуальных норм, позволяющим разрешать коллизии между традиционными целями правосудия и новыми государственными задачами;

- вектором для дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства, задающим ориентиры для развития таких направлений, как дифференциация процессуальной формы, создание специальных процедур для дел, затрагивающих основы национальной безопасности, и оптимизация механизмов взаимодействия правоохранительных органов с силовыми структурами в особых условиях.

Следовательно, назрела объективная необходимость в легальном закреплении данной категории в УПК РФ, что позволит не только придать правовую определенность новым институтам, но и создать теоретиче-

ский фундамент для формирования последовательной и сбалансированной доктрины уголовного процесса, адекватной вызовам современности.

Законодательные новации в сфере уголовного судопроизводства как инструмент обеспечения национальной безопасности

Наиболее репрезентативными примерами имплементации национального интереса в уголовно-процессуальное законодательство являются институты приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении лиц, призванных на военную службу в особых условиях.

Институт приостановления предварительного расследования

Институт приостановления предварительного расследования, регламентированный главой 28 УПК РФ, традиционно относится к числу наиболее проблемных и дискуссионных в уголовно-процессуальной доктрине [3, С. 69]. Его уникальность заключается в вынужденном принятии должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, процессуального решения о временном перерыве в расследовании, при котором «на момент принятия решения отсутствуют даже приблизительные прогнозы о том, каким будет по продолжительности временной промежуток такого приостановления» [10, С. 10]. Классическая теория уголовного процесса рассматривает приостановление как вынужденную меру, обусловленную невозможностью дальнейшего производства следственных действий в отсутствие ключевого участника процесса – обвиняемого, при условии, что все иные возможные действия уже выполнены.

Однако введение Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» нового основания для приостановления – п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – существенно трансформирует как доктринальное понимание, так и правовую природу данного института. Согласно этой норме, производство по уголовному делу подлежит приостановлению в связи с призывом подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации, военного положения или в военное время, а также в связи с заключением им контракта о прохождении военной службы в указанные периоды [4, С. 434–435]. Данная законодательная новелла требует многоаспектного анализа с позиций ее соответствия тради-

ционными принципам уголовного процесса, процессуальной эффективности и места в системе обеспечения национальной безопасности.

С классической точки зрения, приостановление расследования всегда связывалось с объективной невозможностью его продолжения (неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого; его болезнь; розыск обвиняемого или его местонахождение неизвестно). В случае с п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ мы сталкиваемся с принципиально иной ситуацией. Лицо, подлежащее уголовному преследованию, не только установлено, но и его местонахождение, как правило, известно (воинская часть). Невозможность продолжения расследования здесь носит не объективный, а нормативно-целевой характер. Она продиктована не физическими или юридическими препятствиями, а высшим интересом государства – обеспечением обороноспособности в особых условиях. Таким образом, институт приостановления эволюционирует от чисто технического, обеспечивающего процедуру, к институту публично-правового регулирования, служащего инструментом реализации уголовно-процессуальной политики в области национальной безопасности.

Этот подход находит подтверждение в концепции «живого уголовного процесса», которую разделяют научный коллектив нижегородской школы процессуалистов. Суть данной концепции заключается в том, что уголовный процесс должен чутко реагировать на все изменения, происходящие в социальной, технической, политической, экономической жизни населения нашей страны. Введение нового основания для приостановления – яркое проявление этой «чуткости», реакция законодателя на новые внешнеполитические реалии и потребность в концентрации человеческих ресурсов для решения задач оборонного характера.

Вместе с тем, анализ данной нормы выявляет ряд серьезных процессуальных проблем, требующих доктринального разрешения и законодательной корректировки.

Приостановление дела по новому основанию происходит в ситуации, когда назначение уголовного судопроизводства – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, – не достигнуто. Права потерпевшего на доступ к правосудию и возмещение вреда фактически блокируются на неопределенный срок. Это ставит под сомнение тезис о

сбалансированности частных и публичных интересов, заложенный в УПК РФ. Разрешение этой коллизии видится в признании приоритета национального интереса в данной конкретной ситуации, когда обеспечение безопасности государства является обязательным для реализации всех иных прав и интересов. Однако такой приоритет требует прямого нормативного закрепления.

Следующая проблема заключается в угрозе процессуальной самостоятельности следователя. Часть 9 ст. 208 УПК РФ предусматривает, что ходатайство командования воинской части о приостановлении дела является для органа расследования обязательным. В случае несогласия следователя или дознавателя с таким ходатайством, вопрос разрешается путем согласования на уровне федеральных органов исполнительной власти. Ранее нами отмечалась тревожная тенденция, посягающая на процессуальную независимость следственных органов [10, С. 13]. Законодатель, обоснованно стремясь к оперативности, фактически создает внепроцессуальный механизм вмешательства в принятие процессуального решения, что противоречит принципу процессуальной самостоятельности следователя (ст. 38 УПК РФ). Для минимизации данного риска представляется необходимым детализировать процедуру такого согласования, установив краткие сроки и предусмотрев право следователя на внесение мотивированного возражения, подлежащего обязательному рассмотрению.

Кроме того, возникает резонный вопрос о том, насколько реалистично для командования воинской части, оперативно формировать и направлять в правоохранительные органы соответствующие ходатайства. Высока вероятность того, что бремя инициативы по сбору документов и направлению запросов будет возложено на сами органы предварительного расследования, что приведет к значительному увеличению их процессуальной нагрузки и создаст организационные проволочки.

Место института в системе обеспечения национальной безопасности. Несмотря на отмеченные проблемы, введение нового основания для приостановления является логичным и оправданным шагом в рамках выстраивания целостной системы уголовно-процессуального обеспечения национальной безопасности. Данный институт работает в связке с институтом прекращения уголовного преследования по ст. 28.2

УПК РФ, формируя двухуровневый механизм.

Уровень 1 (Приостановление): Обеспечивает немедленное «замораживание» уголовного преследования в отношении лица, направляемого в зону боевых действий, что позволяет незамедлительно использовать его в качестве военнослужащего без отвлечения на следственные действия.

Уровень 2 (Прекращение): Создает стимул для добросовестного прохождения службы, поскольку появление установленных законом оснований (государственная награда, увольнение по определенным основаниям) позволяет полностью прекратить уголовное преследование.

Такой подход имеет исторические параллели, в частности, с практикой направления осужденных в штрафные батальоны в годы Великой Отечественной войны (Приказ НКО СССР № 227 от 28 июля 1942 г.) [2]. Это свидетельствует о том, что государство в критические периоды своей истории вынуждено находить баланс между требованиями неотвратимости наказания и интересами выживания, отдавая приоритет последним через создание специальных правовых режимов.

Таким образом, институт приостановления предварительного расследования, дополненный новым основанием, связанным с военной службой в особых условиях, претерпел существенную трансформацию. Из сугубо технического процессуального действия он превратился в инструмент гибкой уголовно-процессуальной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности. Однако его текущее нормативное регулирование порождает серьезные доктринальные и правоприменительные коллизии, связанные с нарушением баланса интересов, угрозой процессуальной самостоятельности следователя и практическими сложностями реализации. Для повышения эффективности данного института требуется дальнейшая нормотворческая работа, направленная на детализацию процедуры, усиление гарантий прав потерпевших и обеспечение соразмерности ограничений тем целям защиты национального интереса, ради которых они устанавливаются.

Институт прекращения уголовного преследования

Институт прекращения уголовного преследования, введенный Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ (ст. 28.2 УПК РФ), представляет собой наиболее

радикальную и дискуссионную новеллу в современной уголовно-процессуальной политике России [17, С. 4]. Если приостановление расследования лишь временно откладывает разрешение уголовно-правового конфликта, то прекращение преследования по данному основанию означает его окончательное разрешение без вынесения приговора, что требует глубокого теоретического осмысления в контексте традиционных принципов уголовного процесса и новой парадигмы национальной безопасности.

В доктрине уголовного процесса традиционно выделяются два вида оснований прекращения уголовного преследования: реабилитирующие и нереабилитирующие [14, С. 523]. Прекращение по ст. 28.2 УПК РФ относится ко второй категории, что прямо вытекает из необходимости получения согласия подозреваемого или обвиняемого (ч. 2 ст. 28.2 УПК РФ). Данная норма занимает особое место в системе нереабилитирующих оснований, поскольку, в отличие, например, от деятельного раскаяния (ст. 28 УПК РФ) или примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), она не связана ни с установлением утраты общественной опасности лица, ни с заглаживанием причиненного потерпевшему вреда.

С теоретической точки зрения, анализируемый институт можно охарактеризовать как публично-правовой компромисс, основанный на концепции «поощрительного производства», которую развивает в своем диссертационном исследовании Г. С. Русман [15, С. 9]. Государство в лице законодателя предлагает субъекту уголовного преследования альтернативу традиционному уголовному наказанию – исполнение гражданского и воинского долга в условиях, сопряженных с повышенным риском для жизни и здоровья. В данном контексте прохождение военной службы в период СВО рассматривается как особая форма искупления вины, обладающая высшей социальной значимостью с точки зрения защиты национальных интересов.

Такой подход находит частичное обоснование в теории позитивного посткриминального поведения, которую в отношении иных оснований освобождения от уголовной ответственности разрабатывала Ю. В. Ендольцева [7, С. 622]. Однако ключевое отличие заключается в том, что позитивное поведение в виде военной службы не направлено непосредственно на возмещение вреда конкретному потерпевшему, а адресовано государству и обществу в

целом. Это позволяет говорить о появлении нового вида освобождения от уголовной ответственности – освобождения в обмен на исполнение конституционного долга по защите Отечества.

Нормативная конструкция ст. 28.2 УПК РФ отличается сложным, многоэтапным характером и императивным содержанием. Законодатель установил исчерпывающий перечень условий, при которых прекращение уголовного преследования становится обязанностью правоприменителя.

Процедурный механизм включает несколько этапов, начиная от приостановления дела и заканчивая получением согласия обвиняемого и вынесением постановления. Особого внимания заслуживает императивный характер нормы: при наличии всех условий должностное лицо не вправе отказать в прекращении преследования, что существенно ограничивает его дискреционные полномочия и свидетельствует о безусловном приоритете государственного интереса в мобилизации ресурсов над индивидуальной оценкой обстоятельств дела.

Несмотря на детальную регламентацию, применение ст. 28.2 УПК РФ порождает ряд фундаментальных проблем.

Первое – прекращение уголовного преследования по нереабилитирующему основанию при установленном событии и субъекте преступления является наиболее ярким отступлением от классического принципа неотвратимости ответственности. Как верно отмечает О. В. Качалова, в подобной ситуации приоритетом оказывается публичный интерес, выражающийся в отказе от уголовного преследования в обмен на принесение обществу пользы путем прохождения военной службы [8, С. 158]. Однако в данном случае речь идет не просто о публичном, а о национальном интересе, который законодатель ставит выше интересов традиционного правосудия. При этом права потерпевшего, гарантированные ст. 6 УПК РФ, оказываются существенно ограниченными. Его мнение не является обязательным для принятия решения, а механизмы компенсации вреда, по сути, перекадываются на гражданско-правовую плоскость.

Второе – прекращение дела по нереабилитирующему основанию означает, что лицо не признается невиновным, но при этом его вина официально не устанавливается вступившим в законную силу приговором суда. Это создает правовую неопределенность, в частности, для последу-

ющего возможного гражданского иска. Фактически происходит замена уголовно-правовой репрессии на иную, публично значимую форму ответственности, что требует развития доктринального подхода к пониманию «вины» в контексте ст. 28.2 УПК Российской Федерации не как установленного судом обстоятельства, а как констатации факта совершения деяния и согласия лица нести за него особую, «искупительную» повинность.

Третье – императивный характер нормы, привязанный к формальным юридическим фактам (награда, увольнение), создает потенциальные риски для злоупотреблений. Не исключены ситуации, когда государственная награда может быть получена не за реальные заслуги, а в результате коррупционных схем, направленных на формальное выполнение условия для прекращения уголовного преследования в отношении «нужного» лица. Это требует создания дополнительных процессуальных и организационных фильтров, в том числе усиления роли прокурора в оценке законности такого прекращения.

Для минимизации указанных рисков и повышения легитимности института представляется необходимым внедрение дополнительных процессуальных гарантий: 1) введение обязательного судебного контроля. Решение о прекращении уголовного преследования по ст. 28.2 УПК Российской Федерации должно приниматься не органами предварительного расследования, а судом в особом порядке, по ходатайству следователя или дознавателя, с обязательным уведомлением потерпевшего. Это позволит обеспечить независимую оценку соблюдения всех условий закона и даст потерпевшему процессуальную трибуну для изложения своей позиции; 2) закрепление обязанности по возмещению вреда. В постановление о прекращении уголовного преследования следует включать положение, обязывающее лицо возместить причиненный преступлением вред в полном объеме, либо определять конкретный порядок и сроки такого возмещения. Прекращение уголовного преследования не должно освобождать от гражданско-правовой ответственности.

Институт прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу является революционной новеллой, знаменующей переход к новой парадигме уголовного процесса, где национальный интерес становится системообразующим фактором. Он представляет собой слож-

ный правовой механизм, основанный на идее публично-правового компромисса и поощрительного производства. Однако его действующее регулирование содержит существенные пробелы и коллизии, связанные с ограничением прав потерпевшего, размытием понятия вины и потенциальными рисками злоупотреблений. Дальнейшее совершенствование данного института видится в усилении судебных и процедурных гарантий, что позволит найти более сбалансированное соотношение между требованиями национальной безопасности и принципами справедливого правосудия.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать определенные выводы о современном состоянии и векторе развития российского уголовно-процессуального законодательства.

1. Уголовно-процессуальная политика России переживает парадигмальный сдвиг, суть которого заключается в переходе от доминирования либерально-демократической идеологии, заимствованной у западных моделей, к суверенной модели, ориентированной на защиту национальных интересов как высшей ценности.

2. Национальный интерес утверждает-ся в качестве самостоятельной и системо-образующей категории уголовного процесса, не тождественной публичному интересу и требующей легального закрепления в ст. 5 и 6 УПК РФ.

3. В качестве конкретных предложений по совершенствованию УПК РФ в целях обеспечения национальной безопасности следует отметить необходимость систематизации и легального закрепления базовых понятий. Так, в частности, предлагается внести в ст. 5 УПК РФ новый пункт 16.1 следующего содержания:

«16.1) национальный интерес в уголовном судопроизводстве – официально признанные государством и обеспеченные настоящим Кодексом внутренние и внешние интересы Российской Федерации, направленные на защиту ее суверенитета, территориальной целостности, конституционного строя, обороноспособности и устойчивого развития, обеспечиваемые путем специального регулирования уголовно-процессуальных отношений в условиях чрезвычайного положения, военного положения, контртеррористической операции или ведения боевых действий».

Дополнить ч. 1 ст. 6 УПК РФ пунктом 3 следующего содержания:

«3) защита национальных интересов Российской Федерации от преступных посягательств».

Кроме того, полагаем возможным рассмотреть создание специализированного уголовно-процессуального режима для особых условий. К примеру, введение в структуру УПК РФ нового раздела «Особенности производства по уголовным делам в период мобилизации, военного положения и в военное время», включающего нормативное регулирование особенностей досудебного и судебного производства в данный период. Ввести: упрощенный порядок приостановления и возобновления предварительного расследования в отношении военнослужащих, предусмотрев уведомительный, а не разрешительный характер данных решений с последующим прокурорским надзором; институт «отложенного приговора». Суд, установив виновность лица, мог бы постановить обвинительный приговор, но отсрочить его исполнение до окончания военной службы лица в особых условиях. В случае добросовестного исполнения обязанностей и отсутствия новых преступлений приговор мог бы быть смягчен или погашен без реально-го отбывания наказания.

Однако каждое из указанных предложений требует детального доктринального анализа и является дискуссионным.

4. Вводимые законодательные новации (п. 3.1 ч. 1 ст. 208, ст. 28.2 УПК РФ) являются адекватным ответом на современные вызовы национальной безопасности. Они позволяют гибко регулировать уголовно-процессуальные отношения в особых условиях, обеспечивая мобилизацию всех ресурсов государства для защиты его суверенитета и территориальной целостности.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство современной России активно трансформируется, становясь важным инструментом обеспечения национальной безопасности. Дальнейшее развитие видится в формировании четкой национальной уголовно-процессуальной стратегии, которая могла бы быть оформлена в виде Концепции уголовно-процессуальной политики Российской Федерации на 2025–2050 гг. Это позволило бы преодолеть «лоскутный» характер реформ и выстроить целостную, сбалансированную и суверенную модель российского уголовного судопроизводства, адекватно отвечающую историческим вызовам времени.

Список источников

1. Баранов А. М. Уголовно-процессуальная политика России: вчера, сегодня, завтра // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 16–22.
2. Военное искусство первого периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) // История военного искусства: курс лекций: в 6 т. М., 1958. Т. 5.
3. Гаджиалиева А. Т. Историко-правовой анализ становления и развития института приостановления предварительного расследования в России // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства): сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Уфа, 04–05 апреля 2024 года. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2024. С. 68–72.
4. Гаджиалиева А. Т. Тезисно о новом основании для приостановления предварительного расследования в уголовном процессе России // Advances in Science and Technology: сборник статей LXVI международной научно-практической конференции, Москва, 31 января 2025 года. Москва: Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2025. С. 434–435.
5. Давлетов А. А. Методологические предпосылки признания баланса публичного и частного интересов принципом современного российского уголовного процесса / А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 32–40.
6. Дикарев И. С. Законные интересы обвиняемого в уголовном процессе // Государство и право. 2010. № 8. С. 55–62.
7. Ендольцева Ю. В. Прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела: современное состояние правоприменения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 619–628.
8. Качалова О. В. Прекращение уголовного преследования и смягчение уголовной ответственности в интересах национальной безопасности России // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2023. № 3. С. 156–160.
9. Конев А. Н. Уголовно-процессуальная политика как источник идеологических проблем современного уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 5–9.
10. Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования в свете внесенных изменений Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 10–15.
11. Латыпов В. С. Национальный интерес в современной уголовно-процессуальной политике России / В. С. Латыпов, А. Ю. Терехов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 99–106.
12. Латыпов В. С. Современная уголовно-процессуальная политика: лоскутный подход или обдуманная стратегия? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 2 (71). С. 5–12.
13. Панфилов П. О. Уголовно-процессуальная политика по обеспечению национальных интересов Российской Федерации: постановка проблемы // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Г. А. Аванесова (Москва, 27 сент. 2024 г.). Ч. 1. Москва: Акад. управления МВД России, 2024. С. 309–318.
14. Пивень А. В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела и уголовного преследования в досудебном производстве / А. В. Пивень, Л. И. Ильницкая, С. А. Шванкин // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 522–525.
15. Русман Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Русман Галина Сергеевна. Челябинск, 2023. 564 с.
16. Смирнова И. Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное / И. Г. Смирнова // Государство и право. 2008. № 8. С. 14–18.
17. Сологуб И. А. Прекращение уголовного преследования по 28.2 УПК в связи с призывом на военную службу / И. А. Сологуб, А. А. Барыгина // Научное образование. 2025. № 58-17. С. 3–6.
18. Спирин А. В. Интерес и законный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3 (23). С. 32–36.

19. Тарасов А. А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1(79). С. 152–163.
20. Spence M. J. The Complexity of Success: The U. S. Role in Russian Rule of Law Reform // Carnegie Endowment for International Peace. 2005.

References

1. Baranov A. M. Criminal Procedure Policy of Russia: Yesterday, Today, and Tomorrow // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017;3: 16–22. (In Russ.).
2. Military Art of the First Period of the Great Patriotic War (June 1941 – November 1942) // Istoriya voennogo iskusstva: kurs lekcij: in 6 vol., M. 1958;5. (In Russ.).
3. Gadzhialieva A. T. Istoriko-pravovoj analiz stanovleniya i razvitiya instituta priostanovleniya predvaritel'nogo rassledovaniya v Rossii // Sovremennyye problemy ugolovnogo processa: puti resheniya (priurochennaya k 160-letiyu Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva) : Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa, 04–05 aprelya 2024 goda. Ufa: Ufimskij yuridicheskij institut MVD RF, 2024: 68–72. (In Russ.).
4. Gadzhialieva A. T. Teziso o novom osnovanii dlya priostanovleniya predvaritel'nogo rassledovaniya v ugolovnom processe Rossii // Advances in Science and Technology: sbornik statej LXVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 31 yanvarya 2025 goda. Moskva: Nauchno-izdatel'skij centr «Aktual'nost'.RF», 2025: 434–435. (In Russ.).
5. Davletov A. A. Metodologicheskie predposylki priznaniya balansa publichnogo i chastnogo interesov principom sovremenno go rossijskogo ugolovnogo processa / A. A. Davletov, N. V. Azarenok // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025; 1(79): 32–40.
6. Dikarev I. S. Legitimate interests of the accused in the criminal process // Gosudarstvo i pravo. 2010;8: 55–62. (In Russ.).
7. Endoltseva Yu. V. Prekrashchenie ugolovnogo presledovaniya i prekrashchenie ugolovnogo dela: sovremennoe sostoyanie pravoprimereniy // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2022; 4: 619–628.
8. Kachalova O. V. Prekrashchenie ugolovnogo presledovaniya i smygchenie ugolovnoj otvetstvennosti v interesakh nacional'noj bezopasnosti Rossii // Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya sistemy nacional'noj bezopasnosti. 2023;3:156–160. (In Russ.).
9. Konev A. N. Ugolovno-processual'naya politika kak istochnik ideologicheskikh problem sovremenno go ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019;3: 5–9. (In Russ.).
10. Latypov V. S. Institut priostanovleniya predvaritel'nogo rassledovaniya v svete vnesennykh izmenenij Federal'nym zakonom ot 23 marta 2024 g. № 64-FZ // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024; 2: 10–15. (In Russ.).
11. Latypov V. S. Sovremennaya ugolovno-processual'naya politika: loskutnyj podkhod ili obdumannaya strategiya? // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. F. Shilova. 2025; 2: 5–12. (In Russ.).
12. Latypov V. S. Nacional'nyj interes v sovremennoj ugolovno-processual'noj politike Rossii / V. S. Latypov, A. YU. Terekhov // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2025;1: 99–106. (In Russ.).
13. Panfilov P. O. Ugolovno-processual'naya politika po obespecheniyu nacional'nykh interesov Rossijskoj Federacii: postanovka problemy // Ugolovnaya politika Rossii na sovremenno m ehtape: sostoyanie, tendencii, perspektivy: sb. nauch. tr. po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. G. A. Avanesova (Moskva, 27 sent. 2024 g.). CH. 1. Moskva: Akad. upravleniya MVD Rossii. 2024: 309–318. (In Russ.).
14. Piven` A. V. Aktual'ny`e voprosy` prekrashheniya ugolovnogo dela i ugolovnogo presledovaniya v dosudebnom proizvodstve / A. V. Piven`, L. I. Il'niczkaya, S. A. Shvankin // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025; 1: 522–525.
15. Rusman G. S. Pooshchritel'nye formy ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk: 5.1.4 / Rusman Galina Sergeevna. Chelyabinsk, 2023. 564 s. (In Russ.).
16. Smirnova, I. G. Interes – ponyatie ugolovno-processual'noe / I. G. Smirnova // Gosudarstvo i pravo. 2008; 8: 14–18. (In Russ.).
17. Sologub I. A. Prekrashhenie ugolovnogo presledovaniya po 28.2 UPK v svyazi s prizy`vom na voennuyu sluzhbu / I. A. Sologub, A. A. Bary`gina // Nauchnoe obrazovanie. 2025; 58-17: 3–6. (In Russ.).
18. Spirin A. V. Interes i zakonnyj interes v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019; 3: 32–36. (In Russ.).

19. Tarasov A. A. Ob otnositel'nosti granicz publichnogo i chastnogo interesov v ugovnom processe // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025; 1(79): 152–163.

20. Spence M. J. The Complexity of Success: The U. S. Role in Russian Rule of Law Reform // Carnegie Endowment for International Peace. 2005.

Информация об авторе

Латыпов В. С. – доктор юридических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 17.10.2025;
одобрена после рецензирования 03.12.2025;
принята к публикации 11.12.2025.

Information about the author

Latypov V. S. – Doctor of Sciences (Law), Docent

The article was submitted 17.10.2025;
approved after reviewing 03.12.2025;
accepted for publication 11.12.2025.